

УДК 34

Технико-юридические проблемы взаимосвязи отраслей права и законодательства

Сулейманова Зейнеп Ресульевна

Кандидат юридических наук,
доцент,
кафедра «Теория и история государства и права»,
Юридический институт,
Севастопольский государственный университет,
29953, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;
e-mail: ZRSuleymanova@sevsu.ru

Аннотация

В статье констатируется сосредоточение внимания юридической науки над фундаментальными проблемами системы и структуры права и отсутствие исследований технико-юридических проблем взаимосвязи отрасли права и законодательств. Этим обусловлена тенденция к разрушению границ между отраслями права очередь дошла и до гражданского права, которое ранее своими источниками имело Гражданский кодекс, который устанавливал в основном только норм Гражданского права, а теперь его часть четвертая оказалась переполненной нормами административного права. В науке по-прежнему нет согласия в том, что в положениях уголовного кодекса логически закрепляются законодательно-правовые административно - правовые и другие запреты. А попытки законодателя установить верховенство кодексов над другими законами частично поддерживается Конституционным судом, однако имеют разрушительные последствия для правовой определенности.

Для цитирования в научных исследованиях

Сулейманова З.Р. Технико-юридические проблемы взаимосвязи отраслей права и законодательства // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 7А. С. 45-52.

Ключевые слова

Система права, структура права, отрасли права, отрасли законодательства, взаимосвязи отраслей права.

Введение

Проблема системы права находится в поле зрения отечественной юридической науки, по крайней мере, начиная с 30-60-х годов XX века. Однако, соответствующим научным исследователям всегда недоставало практической направленности. И это не только препятствовало практическому использованию результатов научных исследований, но и снижало их уровень. Поэтому актуальность приобретают исследования технико-юридических аспектов проблемы системы права.

К исследованию проблем системы права в разное время обращались ведущие советские ученые-специалисты в области теории права и отраслевых юридических наук – М.М. Агарков, И.С. Самощенко, С.С. Алексеев, М.А. Аржанов, С.Н. Братусь, Г.И. Петров, Ю.К. Толстой, В.М. Чхиквадзе, Е.А. Ямпольская и другие ученые. Этими исследователями были заложены фундаментальные основы для дальнейшего исследования взаимосвязи отраслей права. Однако, юридическая наука никогда не обращалась к технико-юридическим проблемам взаимосвязи отраслей права.

Целью настоящей статьи является исследование технико-юридических аспектов проблемы системы права и разработка теоретических положений, направленных на совершенствование правотворчества и правоприменения.

Основное содержание

Сложилась ситуация, при которой юридическая наука, исследует проблемы системы права, не преследует практические цели, считает достаточной нацеленность на разработку фундаментальных проблем и полагает, что получившиеся в результате научных исследований результаты сами найдут практическое применение. Это глубокое заблуждение имеет своим следствием пренебрежение в правотворчестве и правоприменении достижениями науки и дальнейшее обособление науки от практики и наоборот. В правотворчестве такая тенденция проявилась в придании откровенно комплексного (межотраслевого) характера части четвертой Гражданского кодекса, в которую включили большое количество положений, соединяющих кодексы административного права, регулирующих отношения по поводу, регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности. Трудно понять, для чего это было сделано. Если было стремление всестороннее, то есть нормами прежде всего гражданского и административного права, урегулировать все отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности, то это можно было сделать путем принятия соответствующего комплексного федерального закона. Такое законодательное решение не затрагивало бы единство предмета гражданского права, который определен в п.1 ст.2 ГК как «имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Теперь такого единства нет. Не идет речь о том, чтобы обеспечить «гражданско-правовую чистоту» Гражданского кодекса в полной мере, а в том, что отсутствует стремление к такому обеспечению.

Такое стремление отсутствует и при разработке Налогового кодекса. Поэтому, хотя п.1 ст.2 Налогового кодекса и относит к предмету регулирования законодательства о налогах и сборах «властные отношения», ст. 73 и 74 ГК предусматривают применения к закону и законодательству, установленных в обеспечение уплаты задолженности по налогам и сборам,

положений гражданского законодательства, если иное не предусмотрено законодательством о налогах и сборах. Очевидно, нельзя будет избежать применения гражданского законодательства и к отношениям по поводу банковской гарантии, хотя ст. 74 НК, посвящается банковской гарантии, устанавливаемой в обеспечение погашения задолженности по налогам и сборам, прямо такое и не предусматривает.

Формулировка п.1 ст.1 Бюджетного кодекса позволяет отнести к бюджетным правоотношениям только отношения «между субъектами бюджетных отношений». Но вопреки этому законодательному положению ст.93 БК предусматривает применение к правоотношениям, вытекающим из договора о предоставлении бюджетного кредита гражданского законодательства, если иное не предусмотрено Бюджетным кодексом.

Все это размывает границы между отраслями права и усложняет деление соответствующих правоприменительных вопросов. Сложившееся положение усугубляется юридической наукой. Так Ю.А. Тихомиров пишет, что «в отношении регулирования имущественных отношений на «стыке» с административным, финансовым правом сделана оговорка о неприменении норм гражданского законодательства, если иное не предусмотрено законодательством». В п.3 ст. 2 ГК установлено нечто иное. Там говорится о том, что гражданское законодательство, если иное не предусмотрено законодательством, не применяется «к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям». Из этого законодательного положения четко видно, что есть имущественные отношения, которые основаны на равенстве их сторон, а есть имущественные отношения, основанные на властном подчинении одной стороны над другой, то есть «стык» имеет место между двумя видами имущественных отношений, а отношений «на стыке» вообще нет, ибо имущественные отношения находятся либо по одну либо по другую сторону упомянутого «стыка».

В одном из изданий анализируется постановление Конституционного Суда от 17 июня 2004г. №12-П, в котором бюджетные отношения называли публичными и в то же время не исключено применение к ним гражданского законодательства (в случаях, когда обслуживание счетов бюджетов осуществляют не Центральный банк или его территориальные учреждения, кредитные учреждения).

Но суть проблемы заключается в том, что отношения между соответствующими распорядителями бюджетных средств и кредитными учреждениям по поводу обслуживания счетов бюджетов, строго говоря, не являются ни бюджетными, не публичными ввиду отсутствия признака властной подчиненности. Это также не гражданские отношения, как и отношения по поводу обслуживания счетов любых юридических лиц и граждан-субъектов предпринимательской деятельности.

Свой вклад в преодоление границ между отраслями права внес и В.А. Белов, который пишет об условии характера разграничения норм гражданского и других отраслей права: «Так например, норма, предусматривающие основания взимания с частных лиц налогов, сборов и пошлин, почти наверняка отнесут к категории публично-правовых просто потому, что они содержатся в Налоговом Кодексе или Таможенном Кодексе. В то же время по существу своему нормы эти как направленные на прекращение права собственности частных лиц и возникновения права публичной собственности, имеют самую что ни на есть гражданско-правовую природу» [Белов, 164]. Существо правовых норм, устанавливающих обязанность

налогоплательщиков уплачивать налоги и сборы, заключается в том, что они устанавливают сугубо публичные обязанности налогоплательщиков и корреспондирующие им публичные права получателей налогов и сборов т органов, представляющих их интересы в налоговых правоотношениях. Придавать им частноправовой (гражданско-правовой) характер было бы ошибочно, ибо этим отношениям присущий выраженный признак властности. Поэтому хотелось бы видеть больше внимания к проблеме отраслевой квалификации отношений, являющихся предметом правового регулирования, правовых норм и правоотношений, возникающих в процессе регулирующего воздействия этих норм на указанные общественные отношения.

Проблема соотношения права и законодательства, отраслей права и отраслей законодательства замечена давно. Однако ее конструктивное деление возможно только при условии понимания того, что юридическое существование законодательных положений не сводится к закрепленным правовым нормам, а выражается также в правовых нормах, которые закрепляются в положениях нормативных правовых актов логически. Об этом группа авторов убедительно пишут в одном из новых изданий. Но широкого признания эти идеи в науке пока не получили, хотя и до этого идея логически закреплённых правовых норм обосновывается в целом ряде научных публикаций.

К содержанию этой статьи проблема соотношения права и законодательства имеет отношение в связи с тем, что в положениях правовых актов, в том числе и кодифицированных законодательных актов, могут закрепляться нормы двух отраслей права. Это прежде всего касается уголовного права. О.Э. Лейст приводит высказывания И. Бентама о том, что уголовно-правовой может быть введение как словами «ты не должен воровать» или «пусть человек не ворует», так и словами «кто ворует, тот будет наказан так как...» [Лейст, 56]. В первых двух названных случаях запрет вводится текстуально. В последнем случае текстуально формируется правовая норма, которая определяет вид и меру наказания за совершение определенного действия. А запрет при этом закрепляется в законе логически. Хотя текстуально в формулировке закона запрет не устанавливается, но невозможно отрицать, что установление уголовного наказания за определенное действие означает запрет на совершение этого действия. Этот логически закрепленный запрет обнаруживается из положения уголовного закона, устанавливающего уголовное наказание, при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему. Так утверждают авторы исследований проблем правотолкования. И с ними, очевидно, следует согласиться.

Подобно И. Бентаму, другой классик мировой юриспруденции Р. Иеринг утверждал, что повеление, заключающееся в том, что судья определяет убийце смертную казнь, содержит в себе другой императив: воздерживаться от убийств [Иеринг, 302].

В советской истории права идею наличия в отношениях Уголовного кодекса запретов гражданско-правового, административно-правового и иного отраслевого содержания поддерживал С.Ф.Кечекьян. П.Е.Недбайло вообще не считал уместной какую-либо дискуссию по поводу того, что установление уголовной ответственности по превышению служебных полномочий одновременно содержит запрет на такое превышение.

В постсоветское время эту идею в науке уголовного права развивает А.И. Бойцов. Вместе с тем, высказанные им идеи были подвергнуты в науке обоснованной критике в часы уголовных правоотношений, взятых в релятивном аспекте (имеется в виду правоотношения по поводу

запретов, логически закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса. Дело в том, что правоотношения, возникающие на основе запретов логически-закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса имеют не уголовно-правовую, а иную отраслевую принадлежность (гражданско-правовую, административно-правовую, трудо-правовую, семейно-правовую, конституционно-правовую и иную).

Но, как и в старое время, так и сейчас идея логического закрепления запретов в положениях Особенной части Уголовного кодекса встречает решительное неприятие со стороны отдельных ученых. В советское время такую позицию обосновал М.С. Строгович. Он следующим образом аргументировал свою позицию: «Иначе получилось бы, что люди строжайшим образом соблюдающие законы, всю свою жизнь только и делают, что исполняют свои обязанности не совершать того, что запрещено уголовным законом и что каждый их шаг есть выполнение ими обязанностей, возложенных на них номами уголовного права» [Строгович, 57]. Трудно понять, почему неприемлемым является то, что «получилось бы». Для Ю.И. Гребцова и Е.Б. Хохлова запреты, логически закрепляемые в уголовном кодексе - не более чем «юридические химеры». Поэтому по поводу мы можем сказать только то, что эти «химеры» могут успешно конкурировать при правоприменении с бесхимерно, то есть текстуально закрепленными правовыми нормами.

Острая проблема технико-юридической взаимосвязи отраслей права обнаружилась при рассмотрении Конституционным судом дела о проверки конституционности положения части первой статьи 130 уголовно-исполнительного кодекса. Постановление по этому делу №1- П. было вынесено 23 февраля 2009 года. Суть проблемы о которой идет речь заключается в следующем. В соответствии со ст.72 УК в редакции действующего на день вынесения указанного постановления время содержания лица под стражей засчитывается в счет лишения свободы из расчета 1 день за 1 день. Статья 120 УИК в редакции, действующей на день принятия упомянутого Постановления предусматривала исчисление срока лишения свободы, назначенного для отбывания в суде со дня прибытия к местам отбывания наказания, то есть в тюрьму. Лицу было назначено наказание в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием первых 14 лет лишения свободы в тюрьме. Поскольку лицо до прибытия в тюрьму находилось под стражей в течении 5 лет, при исчислении срока лишения свободы, назначенного для отбывания в тюрьме, со дня прибытия в тюрьму, оно должно было 14 лет содержаться в тюрьме, а общий срок лишения свободы, с учетом содержания под стражей, должен был составить не 15, как это было установлено приговором суда, а 19 лет. Лицо обратилось в конституционный суд полагая, что ст.130 УИК противоречит Конституции.

Конституционный суд признал «не противоречащим Конституции Российской Федерации положение части первой ст.130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, согласно которому срок, назначенный по приговору суда для отбывания суда, исчисляется со дня прибытия осужденного в тюрьму, поскольку по своему конституционно - правовому смыслу данное положение исходя из его места в правовой системе Российской Федерации- не исключает правомочия суда засчитывать осужденному лишения свободы в срок тюремного заключения время, в чтении которого к нему применялась мера пресечения в виде заключения под стражу».

Представляется, что все-таки ст. 130 УИК противоречит ч.1 ст.118 Конституции, в соответствии с которой «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». При этом следует учитывать, что ст.8 УПК имеет заглавие «Осуществление правосудия только

судом», следовательно, именно в ст.8 раскрывается значение слов, использованных в заглавии этой статьи и в тексте ч.1 ст.118 Конституции. Ст. 8 УПК предусматривает, что никто не может подвергнут наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном этим кодексом. Следовательно, в соответствии с ч.1 ст.118 конституции лицо может быть подвергнуто наказанию только по приговору суда, а удлинения срока лишения свободы путем специфического исчисления срока отбывания лишения свободы в тюрьме противоречит указанному конституционному положению.

Суть проблемы взаимосвязи уголовного, уголовно-процессуального и исполнительного права заключается в том, что попытка придания высшей юридической силы уголовному и уголовно-процессуальным кодексам по сравнению с другими федеральными законами, выраженная в ст.9 УК и ст.7 УПК и поддержанная Конституционным Судом (Постановление от 27 февраля 2009 года №1-П и от 29 июня 2004 года 13-П) не выглядит убедительной.

Что касается законодателя, то он большинство кодексов поставил выше других федеральных законов. Поскольку те сферы действия большинства кодексов частично совпадают, создано огромное количество коллизий в праве, которые логически разрешить невозможно.

Эту ситуацию еще больше усложнил Конституционный Суд, который вопреки законодателью верховенства кодексов над другими законами не признает, но для уголовного и уголовно-процессуального кодексов делает исключения. Следует поддержать позицию Конституционного Суда, в соответствии с которой придание кодексам высшей юридической силы по сравнению с другими федеральными законами противоречит части 3 ст. 76 Конституции, которая не признает субординации между федеральными законами кроме верховенства федеральных конституционных законов над обычными федеральными законами. Но эту правовую позицию следует распространить на Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, разрешая коллизии между ними с одной стороны и иными федеральными законами с другой, с помощью положений Конституций. Как это было высшее сделано в отношении ст.130 УИК и соответствующих положений Уголовного и Уголовно-процессуальный кодекса.

Заключение

Изложенное даст основание для вывода о том, что юридическая наука должна перейти от исследования фундаментальных юридических проблем системы и структуры права, к исследованию технико-юридических проблем взаимосвязи и взаимодействия структурных подразделений системы права. Это не только позволит практически исследовать результаты фундаментальных исследований, но и подвести под последние эмпирическую базу, которая позволит углубить фундаментальные исследования проблем системы и структуры права.

Библиография

1. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право - М.; 2000.-394с.
2. Ротань В.Г., Сонин О.Е., Черткова Ю.В. - Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права). - Симферополь: Нижняя Ореанда, 2019.-792с.
3. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть Т.1. Введение в гражданское право: Учебник. - М: юрайт, 2011.- 521 с.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права - М.: "Зерцало", 2002.-288 с.
5. Иеринг Р. Избранные труды. В 2 томах. Т I.-СПб.: Юридический центр Пресс, 2006-618 с.

6. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. - Львов: Издательство Львовского университета, 1959.-170с.
7. Недбайло П. Е. Советские социалистические паровые кодексы - М.: Издательство АН СССР, 1958.-185с.
8. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. - 1061 с.
9. Строгович М.С. Вопросы теории правоотношения //Советское государство и право.-1964.-№6-с.52-61.
10. Гребцов Ю.И Хохлов Е.Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. - 2006. - № 5.- с. 4-22.

Technical and legal problems of the relationship of branches of law and legislation

Zeinep R. Suleimanova

PhD in Law, Associate Professor,
Department "Theory and History of State and Law",
Law Institute,
Sevastopol State University,
29953, 33, Universitetskaya st., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: ZRSuleymanova@sevsu.ru

Abstract

The article states the focus of legal science on the fundamental problems of the system and structure of law and the lack of research on technical and legal problems of the relationship between the branch of law and legislation. This is the reason for the tendency towards the destruction of borders between branches of law, and the turn came to civil law, which earlier had its sources in the Civil Code, which established mainly only the rules of Civil Law, and now its fourth part was overloaded with administrative law. In science, there is still no agreement that the provisions of the Criminal Code logically enshrine legislative and administrative administrative – legal and other prohibitions. And the legislator’s attempts to establish the supremacy of codes over other laws are partially supported by the Constitutional Court, but they have devastating consequences for legal certainty.

For citation

Suleimanova Z.R. (2019) Tekhniko-yuridicheskiye problemy vzaimosvyazi otrasley prava i zakonodatel'stva [Technical and legal problems of the relationship between the branches of law and legislation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9 (7A), pp. 45-52.

Keywords

System of law, structure of law, branches of law, branches of legislation, interconnections of branches of law.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Conflict Law - M.; 2000.-394s.

2. Rotan V.G., Sonin O.E., Chertkova Yu.V. (2019) The latest teaching on the interpretation of law (based on materials from civil and other branches of law) .- Simferopol: Lower Oreanda, 792 p.
3. Belov V.A. (2011) Civil law. General part T.I. Introduction to Civil Law: A Textbook. Moscow. Yurayt, 521p.
4. Leist O.E. (2002) The essence of law. Problems of Theory and Philosophy of Law. Moscow. "Mirror", 288 p.
5. R. Iering R. (2006) Selected Works. In 2 volumes. T I. SP . Legal Center Press, 618 p.
6. Kechekyan S.F. (1959). Legal relations in a socialist society. - Lviv: Lviv University Press, 170s.
7. Nedbaylo P. E. (1958) Soviet Socialist Steam Codes - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 185p.
8. The criminal law of Russia. (2006) A common part. Textbook / ed. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenkina, V.V. Orekhova. - SPb .: Publishing house of St. Petersburg University, 1061p.
9. Strogovich M.S. (1964) Questions of the theory of legal relations // Soviet State and Law. 6-p.52-61.
10. Grebtsov Yu.I. Khokhlov EB (2006) About legal and dogmatic chimeras in modern Russian jurisprudence. Jurisprudence. № 5. p. 4-22.